

ДОРОГА НА ФРОНТ

Я родилась через четыре года после войны. Печенье, хлеб и сладкий чай, яблоки – лучшие мои воспоминания о том времени. Мальчишки и девчонки играли в «войнушку». Конечно, никто не хотел быть «фашистами», только «солдатами Красной армии». Договаривались играть по очереди. Самое страшное и оскорбительное слово было «фашист».

Мой отец, Скалковский Леонид Васильевич, никогда не вспоминал о том, что было на фронте. Если мы с братом Володей просили его рассказать, как он воевал, отец отнекивался: «Потом». Но эмоциональный шок от войны был так силен, что именно война стала основным лейтмотивом его стихов. Перекладывая свои мысли на бумагу, папа «вспоминал», врачую душу.

На войне перед боем
я слышал не раз:
«Кто останется жить,
расскажите о нас».

Доверяли друг другу
в порыве одном
все:
и жизнь, и судьбу,
и бессмертье потом.

И никто не просил
в тот решающий час:
«Обо мне расскажите,
а только – «о нас».

Эту просьбу несли
по цепочке живой...
...Кто поэтом рожден,
я же избран войной.

«Расскажите...» –
я сам
перед боем просил.
Пуля чиркнула раз –
томик Гёте прикрыл.

И стучит в моем сердце
солдатский наказ:

«Расскажите о нас...
Рас-с-ка-жи-те о нас...»

Чтоб верней рассказать,
Забираю внучат –
перед Вечным огнем
пять минут помолчать.

Солдатский наказ. 1984 г.

И только лет за десять до конца своей жизни отец стал рассказывать о самых памятных событиях на фронте. Сколько же лет должно было пройти, чтобы память без вреда для психики раскрылась!

Отец рассказывал, как он попал добровольцем на фронт. В 1941 году, буквально накануне вероломного нападения фашистской Германии, он закончил десятый класс. Строил планы на будущее. Старший брат отца Пётр Скалковский мечтал выучиться на математика, он был талантлив именно в этом направлении. А папа склонялся к журналистике, литературоведению, хотя и обнаружил в себе еще и способности художника. В то время аягузская газета «Политотделец» практически в каждом номере печатала его стихи.

С первого дня 22 июня 1941 года, когда Левитан объявил на всю страну страшную весть о начале войны, возле военкоматов собирались толпы людей. По всей стране как будто ураган пронесся – уйти добровольцем на фронт, спасти Отечество – ничего другого в мыслях и чувствах людей не было! Так были воспитаны те поколения! Через два дня папе исполнялось 17 лет.

В каждом доме утром рано-рано
слышатся знакомые слова.
Это твердый голос Левитана,
словно клятва:
«Говорит Москва!»

Враг опасен, враг безумно лезет,
рвется город взять любой ценой...
Никогда!
Мы грудью и железом
встали на защиту под Москвой.

Каждый камень безраздельно дорог,
улица любая дорога.
Всколыхнулся, ополчился город
против озверелого врага.

Открывая прошлого страницы
и сражений слыша перезвон,
как же славу не воздать столице,
где разбит был сам Наполеон?!

Под Москвой достойную могилу
многие захватчики нашли...
Ведь народ наш по-антейски силу
умножает от родной земли.

Так пускай звучат во имя жизни,
как набат, призывные слова:
слушай, непреклонная Отчизна,
говорит советская Москва!

Говорит Москва. 30 октября 1941 г.

В 1941 году Петра Скалковского забрали на фронт. Родителям он успел написать несколько коротких писем, и, перечитывая их сейчас, понимаешь, как мальчишки, попавшие в страшные жернова войны, менялись – выросли, мужали, трезво оценивая происходящее, соразмеряя свой небольшой жизненный опыт с наступившей бедой, и как крепла в них уверенность в правом для них деле, в победе: «Борьба идет жестокая, она может быть еще жесточе, враг разбит здорово, но у него пока есть силы, которые напрягает он до последнего вздоха. И что-то скажет весна. Факт остается фактом. Дорога ведет нас к победе, которая с каждым днем приближается».

Позже отец напишет об этом поэму «В списках не числится»:

Стою у стены Кремлевской,
где спит Неизвестный солдат.
Как знать, может,
Петр Скалковский,
мой старший брат.

А у военкоматов собирали добровольцев и отправляли их на фронт. Папу не брали: «Мал еще! Твой год пока не берем. Найдем тебе дело здесь». Обидно было!

Как-то раз ночью его одноклассник Анатолий постучал в окно: «Вставай! Поехали!» Отец хоть и сам подспудно думал, как сбежать на фронт, растерялся: «Куда?» А Анатолий шепчет громко: «Как куда?! На фронт! Мы на товарняках доедем. Давай, собирайся!» И Леонид вскочил, стал собирать вещи, еду, мечась из комнаты на кухню. Но Ульяна Владимировна, мать моего отца, услышав шум, вмешалась, не дала сыну сбежать: «От Петра столько времени нет известий, а если и ты уйдешь, что же мне делать?!» Ее материнское сердце не понимало и не принимало бегства сына, не могла потерять она еще и младшего. Анатолий махнул рукой, не то прощаясь, не то соглашаясь с неизбежным, и убежал. Больше папа ничего не слышал о нем, добрался ли тот до фронта или сгинул по пути, неизвестно.

И отец по-прежнему писал стихи в аягузский «Политотделец»:

Бои грохочут под Москвой,
снаряды землю рвут...
Ни шагу дальше! Крепче стой!
Фашисты не пройдут!

Избитый нами подлый враг,
он мечется, как вор,
он все усилия напряг,
чтобы сломить отпор.

Но кто попятится назад
в такой опасный час,
когда республикам грозят
и каждому из нас?!

Хотя лавиною стальной
безумно танки прут,
ни шагу дальше! Крепче стой!
Фашисты не пройдут!

Любая сталь, как пух, взлетит,
рассыплется, как снег,
лишь гневно встанет на пути
советский человек.

Любой в сегодняшних боях
подбитый нами танк
готовит гитлеровский крах,
ломает вражий стан.

И бой на подступах к Москве –
его закатный бой...
Победы пламенный рассвет
мы видим над Москвой.

Как никогда, сплочен и слит
великий наш народ.
Да будет изгнан и разбит
по-волчьи хищный сброд!

Бои грохочут под Москвой,
снаряды землю рвут...
Ни шагу дальше! Крепче стой!
Фашисты не пройдут!

16 ноября 1941 г.

Папа снова и снова ходил в военкомат, просился в Кемеровское военно-пехотное училище. Не взяли – зрение подвело. А вскоре отправили его, как и многих его сверстников из Семипалатинска, в Прокопьевск, на Кузбасс, лес рубить, готовить крепи для шахты. В то время Кузбасс был важным стратегическим объектом, стране нужен был уголь. От того эшелона, с которым папа ехал в трудармию, не осталось практически никого, из-за тяжелых условий люди просто вымирали на шахтах.

В бараки, где их разместили, набивали столько людей, что невозможно было прислониться к стенке, спали по очереди, в три смены. Голод. Пайки выдавали

по одному-два раза в день. Помыться негде, да и некогда – надо было выполнять норму. Начали одолевать вши. Одежда превратилась в лохмотья, потому что приходилось ползать по узкому штреку, крепить боковые стены забоя, потолки. Обувь подвязывали, чем придется.

Подружился отец с парнем, с которым они в паре работали, всячески под-держивая, помогая друг другу, насколько хватало сил. Не каждый взрослый вы-держивал условия на шахте, несоразмерные нагрузки и темп работ. Приходилось не только лес валить, но и подменять горняков, киркой долбить уголь вручную, нагружать тяжелые вагонетки и тащить их наверх.

По радио каждый день передавали сводки с фронтов, в бараках читали по-литинформации. Кого-то из взрослых забирали на фронт, но это бывало редко – шахтеров, знатоков своего дела, которые до войны трудились на шахтах, давно отправили воевать. В шахты присылали в основном пенсионеров, женщин, под-ростков да сосланных немцев. Уезжающим на фронт жали руки и провожали взглядами, завидуя, но не зная, что будет с этими людьми, увидят ли их когда-нибудь. Но душа рвалась туда, где им, казалось, они нужнее.

Через несколько месяцев папа с напарником (имя его стерлось в памяти) не выдержали и подались в бега, направление взяли на относительно близкий Бар-наул, откуда, как они слышали, тоже отправляли эшелоны на фронт.

Папа рассказывал, как они продирались через тайгу. Кто не был в тайге, тот не представляет, через какие невероятные трудности пришлось пройти парням: непролазные буреломы, кустарник, цепляющийся за одежду, трухлявые деревья с виду только упавшие, а наступишь – ноги проваливаются, и выбраться – нужны силы; осаждающее, как вражеская армия, комарье, впивающееся в любое не закры-тое одеждой место; болотистые низины и топи, где нельзя верить красивой зеленой кочке и надо быть всегда начеку. Один раз им целый день пришлось выбираться из трясины, думали все, конец – но справились, обессиленные пошли дальше. Обувь почти сразу пришла в негодность. А обувь в тайге крайне важна. Из еды только ягоды, листья, кора деревьев, пили в основном из болота, изредка находили ручей.

И через неделю вышли на небольшую поляну – елань – с небольшой избой, видно, охотники срубили. Обрадовались, что можно будет отдохнуть да чем-нибудь съестным разжиться. Открыли дверь, а в избе оказались милиционеры, тоже отдохнуть зашли. Задержали беглецов «до выяснения обстоятельств», под конвоем пешком доставили в город, в тюрьму. Посадили в камеру, под завязку набитую зеками и ворами. Законы в камере были особенные, по понятиям, жизнь там текла по своим нравственным меркам и правилам.

Раз увидел папа, как зеки сели играть в шахматы, сделанные из мякиша черного и серого хлеба, пробрался к игрокам, не выдержал – стал подсказывать ходы. «А ты что, умеешь играть? – спросил один. – Так сыграй!» Кто-то подобострастно захихикал. Думали, что мой отец опозорится. Но он сел играть и выиграл. Ша-маты были его любимой игрой с детских лет, и в Аягузе ему приходилось не раз участвовать в школьных турнирах. У заключенных папа с легкостью выигрывал практически всегда, удивляя их. Зеки даже заключали пари – проигравший отдавал свою пайку в общий котел. Кроме того, он читал им свои стихи, иногда удавалось рисовать портреты сидельцев на клочках газет угольком. Оценили его талант. С это-го момента жизнь для молодого парня в небольшом замкнутом пространстве изме-нилась. Его не трогали и даже берегли. Когда была возможность – подкармливали.

Только через полгода в тюрьму приехал мой дед, Василий Силантьевич, бухгалтер коммуны, выручать сына, и за шматок сала уговорил военкома выпустить Леонида из тюрьмы, отправить на призывной пункт – ведь бежал-то сын не от работы, а на фронт, не бандит, не дезертир. А сидеть по закону надо было еще два года (всего 2 года и 6 месяцев). Военком сжалился над мальчишкой: «Отправим тебя, Леонид, на Дальний Восток, в интендантское училище». Внутри отца все перевернулось. К хозяйственникам в народе относились неважно. Даже байки про них сочиняли: «Папа, убей фашиста и двух интендантов».

Парень чуть не заплакал, стал горячо доказывать, что его место на фронте, а не в интендантском училище. Уговорили военкома, отправили его с соответствующими бумагами в Омск, на призывной пункт, который больше напоминал лагерь для военнопленных. Там тоже было много мужчин и подростков, таких же, как он, пытавшихся пробраться поближе к фронту, а потом пойманных и доставленных из разных мест в Омск. Они сбивались в кучи, оборванные, голодные, но со злой жаждой попасть на передовую, бить врага. Встречались и дезертиры, которых затем отправляли в штрафной батальон, кровью смывать свой позор.

Надо было опять проходить медкомиссию. Метров триста до военкомата Леонид прошел босиком по снегу – не было обуви, вся износилась, а другую негде было взять. Папа, зная, что со зрением у него неважно (близорукость, минус четыре), заранее выучил все строчки букв из таблицы, по которой должны были его проверять. Но этого не понадобилось. Окулист очень формально отнеслась к своим обязанностям, может, просто устала от того потока людей, который с утра до вечера проходил через ее кабинет: «Как зрение?» – «Отлично!» И она поставила штампик и подпись на его сопроводительных документах: «Годен к строевой службе».

Так папа попал на фронт. Формировали сибирский полк 239-й стрелковой Ярославской дивизии в Омске. Определили его автоматчиком, в пехоту. Стоял он часовым у полкового знамени № 1350. Вскоре полк эшелоном отправили на северо-запад Украины, под Ковель, доукомплектовывать фронт. По прибытии сибирский полк сразу же, без подготовки бросили на первую линию обороны, в самую заваруху штурма ковельского гарнизона. Как отец узнал уже после войны, гарнизона, у которого был приказ Гитлера стоять насмерть, так как он находился на стыке двух крупнейших группировок немецких войск – «Центр» и «Юг» и прикрывал важнейшее оперативное направление. Для чего немецко-фашистское командование перебросило с других участков фронта несколько крупных воинских соединений во главе с генералом дивизии «Викинг» 50-летним группенфюрером СС Гилле – одного из приближенных Гимmlера и Розенберга.

Фронт под Ковелем весной сорок четвертого напоминал слоеный пирог: в центре – город с несдавшимся немецким гарнизоном, вокруг города кольцо наших войск, потом опять наши войска, но уже в обороне, не давая новым силам врага прийти на помощь окруженным.

На передовые позиции двигаться пришлось по залитым талой водой лесным дорогам и тропам, а то и просто по болотной целине. Ориентирами служили подбитые и полусгоревшие немецкие танки, застрявшие в трясине, и брошенные гитлеровцами грузовики, бронетранспортеры, тягачи, артиллерийские орудия, зенитные установки.

«Возьмем Ковель, непременно возьмем, – убеждал бойцов командир Кулешов. – Нелегко нам придется, ребятки. Немцы понимают, что через ковельский выступ нам открывается прямой путь на Польшу. Не зря именно в этом месте в Первую мировую войну, в 1916 году русские войска под командованием Брусилова разгромили австро-германскую армию. Слышали про Брусиловский прорыв? Не посрамям же память отцов и дедов».

За два дня мясорубки в Ковельском котле погибла половина состава дивизии. И перед отцом открылась вся ужасающая правда войны. Погибших голых солдат грузили на крестьянские дровни и свозили на местное кладбище, в братскую четырехугольную могилу. Укладывали тесными рядами, пересыпая скудной соломкой, а снег вокруг становился грязно-алым от крови погибших бойцов. Отец никак не мог понять, почему тела голые? А потом увидел, как их предварительно раздевали, а женщины-прачки собирали одежду и уносили стирать – она была нужна другим новобранцам.

В этой же братской могиле похоронили и комдива Кулешова.

Политрук глухим от усталости и шокового состояния голосом сказал прощальное слово над открытой могилой. И только характерные шлепки сопровождали его речь – это подвозили новые трупы убитых солдат в их последнее пристанище – чпок, чпок... Этот звук долгие годы преследовал отца. А потом прощально заиграл оркестр, приказали отдать последний салют. И новобранцы не то от неумения, не то от несправедливости происходящего едва не перестреляли друг друга.

Именно в этот момент отец понял, что для него есть только один исход. Либо сложить голову в этом кровавом месиве («А на войне погибнуть – вроде чхнуть, совсем несложно и совсем недолго...»), либо вернуться живым домой, к родителям («Тут мало за Отчизну лечь костями под высоту, где жаром боя пышет. Тут надо, надо, черт возьми, взять высоту! И непременно выжить»).

До войны отец чувствовал, что ему как поэту не хватает жизненного опыта, какой-то важной наполненности стиха. У него даже появились такие строчки:

Если б я окунулся в потоки
повседневных событий и дел,
я бы делал алмазные строки,
от которых бы каждый седел.

И только на войне, на поле брани, он понял, что просто обязан писать о пережитом, о том ежесекундном подвиге людей, победивших свой страх («Кто поэтом рожден – Я же избран войной»)!

В своем первом бою под Ковелем он видел страх людей перед неизвестностью – выживет или нет. «Когда на вас прут крестчатые танки, земля и небо сотрясаются от сплошного грохота и лязга – это, конечно, страшно, – писал он. – Гораздо страшнее, когда в таком кошмаре ты один, не чувствуешь локтя и взгляда соседа, так как оставшихся в живых пришлось растянуть на всю длину обороны».

Семнадцатилетний парнишка сидел под деревом, в тесном окопчике, вырытом не по уставу, а как подсказывала солдатская смекалка: поглубже в землю и как можно меньше по площади попадания. Боковым зрением он видел, как в полукилометре наша батарея вела огонь – гав, гав, гав...

А противник, оправившись, новой волной двинулся в атаку. Немецкая пехотная рота наступала на поредевший взвод. Боеприпасы подходили к концу. Отец понимал, что просто так не одолеть противника, надо применить хитрость. Он

прекратил стрельбу, подпустил врага поближе и приготовил гранаты. А про себя вдруг обратился к Богу, прося защиты: «Господи, помоги!» И вдруг снарядом попало прямо в дерево над ним, оно обрушилось, прикрывая зеленеющими ветвями отца. Сам он еще успел удивиться – ведь воспитывали их воинствующими безбожниками, атеистами, а тут вдруг Бог... Значит, что-то сидит в нас, поддерживает связь с Небом? А может, и частица божья в нас есть... Не зря же мать говорила, что младший родился в рубашке. Папа не раз потом пытался ответить на этот вопрос. Но к однозначному ответу так и не пришел.

Не встречая сопротивления, гитлеровцы двигались скопом и прямо на окопчик. И когда приблизились к безмолвному месту, оттуда полетели гранаты. А чуть смолк грохот их разрывов, оставшиеся в живых бойцы из дальних и ближних укрытий ринулись в штыковую атаку. И гитлеровцы, потеряв не один десяток солдат, откатились.

Помню: вражье кольцо сжимается...

Мне – семнадцать. И, жизнь торопя,
из разведки прошу по рации:

«Вызываю огонь на себя!»

Да, другого не было выхода –
и взлетела земля в том кругу...

На войне есть святая выгода:
обойтись подороже врагу...

Святая выгода. 1981 г.

«Весной, под Ковелем, стало известно, – вспоминал отец, – что войска нашей армии решением Ставки переданы в состав 1-го Белорусского фронта под командование генерала армии (впоследствии Маршала Советского Союза) Константина Рокоссовского. Его имя было очень популярно среди нас». А 22 июня началась операция «Багратион» по освобождению Белоруссии, которая длилась около двух месяцев. Бои шли ожесточенные, как с нашей стороны, так и со стороны врага, еще не понимающего свой конец. Противника брали в кольцо. И уже 6 июля нам зачитали приказ, что «войска 1-го Белорусского фронта овладели важным опорным пунктом обороны немцев и крупным железнодорожным узлом – городом Ковель». Наступление успешно продолжалось в направлении Калинковичей и Мозыря в Белоруссии, а потом и Бяла-Подляска, Минска-Мазовецкого и Варшавы. До столицы Польши было еще далековато, километров триста, но воодушевленному первыми победами наших войск под Ковелем, Леониду Скалковскому это расстояние не казалось таким уж большим, как прежде. Ему было интересно не только посмотреть на родину своих польских предков, но и очистить ее от фашистской скверны. Форсировали Буг и к 20 июля вышли на границу СССР с Польшей. Это было знаменательное событие! Победный дух уже крепко сидел в наших солдатах!

Папа между боями и марш-бросками рисовал простым карандашом очень точные, фотографические портреты бойцов, на которых те успевали приписывать слова, обращенные к родным, а иногда и на приписки не было времени – впереди шел бой, ребята уходили, чтобы уже никогда не вернуться. А письма-треугольники все шли и шли по адресам, оставляя родные лица в память близким на долгие и долгие годы...

За время войны отец был автоматчиком, полковым разведчиком, был командиром роты пулеметчиков, потому что в очках он бил в «десятку» без промаха, окончив курсы младших командиров – начальником штаба батальона. В составе Первого Белорусского фронта, которым на заключительном этапе войны стал командовать Георгий Жуков, освобождал Беларусь, а потом с Восьмой гвардейской армией Чуйкова дошел через Западную Украину и Польшу до Кюстринского плацдарма на берегу Одера, участвовал в знаменитом сражении за Зееловские высоты, от которых начинался путь на Берлин, и закончил войну у рейхстага – в неполный двадцать один год, с орденом Александра Невского, который дается боевым офицерам «за проявление, в соответствии с боевым заданием, инициативы по выбору удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск».

Последний день войны папа встретил на марше. Разгромив фашистское логово, они шли из Берлина на юг Германии, в Тюрингию, выполнять ялтинские соглашения по оккупации.

Вернулся Леонид Скалковский домой, в родной Аягуз целым и невредимым, разве что несколько шрамов осталось на спине, голове и руке («Пуля чиркнула раз – томик Гёте прикрыл»). «Счастливчик!» – говорили люди. Ловкий, быстрый от природы, папа считал, что выжить ему помогли шахматы. Именно они научили его тактике и стратегии, быстрому принятию решений и действий.

Мой отец был награжден и другими орденами и медалями, но особо чтит именно орден Александра Невского, полученный им за Зееловские высоты, и медаль «За взятие Берлина».

Сколько было войн – не знаю,
только верится, что мне
довелось в том светлом мае
на последней быть войне...

